

12. Busmann H. *Lexicon der Sprachwissenschaft* / H. Busmann. – Stuttgart: Kroner, 1990. – 904 с.
13. Churchland P. M. *Eliminative materialism and the propositional attitudes* / P.M. Churchland // *Journal of philosophy*, v. 78. – 1981. С. 67–90
14. Dennett D. *Intentional stance* / D. Dennett. – Cambridge MA: MIT Press, 1987. – 389 с.
15. Гльк Н., Шмце F. *Metzler Lexicon Sprache* / Н. Гльк, F. Шмце. – Stuttgart: Weimar, 2005. – 782 с.
16. Lyons W. E. *Approaches to intentionality* / W.E. Lyons. – Oxford: Clarendon Press, 1995. – 280 с.
17. Searle J.R. *Mind, language and society (Philosophy in the real world)* / J.R. Searle. – Masterminds, Basic books, 1998. – 175 с.

УДК 811.161.1'42

М.В.Пехарева

ГЛУБИНА КАК ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. КОРМИЛЬЦЕВА)

Пехарева М.В.

ГЛУБИНА ЯК ДИФЕРЕНЦІЙНА ОЗНАКА ПОЕТИЧНИХ ТЕКСТІВ (НА МАТЕРІАЛІ ТВОРІВ І. КОРМИЛЬЦЕВА)

У статті аналізується текстова категорія глибини, встановлюються особливості текстів, що характеризуються різним ступенем глибини, на матеріалі творів Іллі Кормильцева «Я хочу быть с тобой» та «Титаник».

Ключові слова: глибина тексту, функціональний підхід, парадигма.

Пехарева М.В.

ГЛУБИНА КАК ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРИЗНАК ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. КОРМИЛЬЦЕВА)

В статье анализируется текстовая категория глубины, устанавливаются особенности текстов, характеризующихся разной степенью глубины, на материале произведений Ильи Кормильцева «Я хочу быть с тобой» и «Титаник».

Ключевые слова: глубина текста, функциональный подход, парадигма.

Pehareva M.V.

DEPTH AS THE DIFFERENTIAL CHARACTERISTICS OF POETIC TEXTS (BASED ON I. KORMILTSEV'S WORKS)

The depth as a text category is analyzed in the article. The features of texts, characterized by different depth degree, are established. The research is based on I. Kormiltsev's works «Я хочу быть с тобой» and «Титаник».

Key words: text depth, functional approach, paradigm.

В связи с антропологической ориентацией современной лингвистики все большее значение приобретают вопросы, связанные с проблемой языка и мышления, конкретного и абстрактного, интралингвистического и экстралингвистического.

Если принимать во внимание данную тенденцию, перспективным представляется при анализе текста учитывать такие существенные параметры, как сложность организации текста и вариативность его содержания, т.к. эти характеристики текста отражают восприятие текста человеком. Для учета этих параметров мы считаем целесообразным использование такой текстовой категории, как глубина текста. Необходимость использования данной текстовой категории обусловлена необходимостью теоретического описания имеющихся интуитивных разграничений, возникающих в ходе восприятия текста. Все вышесказанное обуслов-

ливает актуальность выбранной темы.

Глубина текста рассматривалась с разных точек зрения в работах Н.С. Валгиной, О.Р. Валуйской, И.И. Степанченко и др., тем не менее, эта текстовая категория представляется малоизученной. В настоящей работе принимается точка зрения, согласно которой глубина текста является текстовой категорией, отражающей степень противопоставления языковых отношений отношениям мыслительным [4].

Цель данной статьи – установление особенностей текстов, определяющих разную степень их глубины, на материале произведений Ильи Кормильцева «Я хочу быть с тобой» и «Титаник».

В данной статье принимается функциональный подход к анализу поэтического текста, т.е. текст рассматривается как единица коммуникативного акта. Содержание текста представляет собой активную мыслительную деятельность (в широком

смысле, включая эмоции) субъекта. Закономерности организации текста, актуализация системы языка исследуется не самостоятельно, а через соотносящиеся с ними виды коммуникативно-познавательной деятельности человека [см. 4].

Текст как нечто существующее объективно, независимо от воспринимающего субъекта – это не предмет содержательного анализа, т.к. материя текста сама по себе не имеет ничего общего с отражаемой действительностью, и эффект подобия текста и действительности возникает лишь при восприятии текста на определенном уровне, при активной деятельности воспринимающего субъекта [2, с. 101].

Таким образом, восприятие (в широком понимании: различные акты мышления, истолкования, нахождение связей в процессе восприятия предмета [1, с. 12]) текста во многом зависит от реципиента, соответственно говорить о инвариативности содержания текста невозможно.

Содержание, генерируемое одной и той же формой текста в сознании различных воспринимающих, обладает как чертами сходства, так и чертами различия. Вариативность содержания определяется как вариативностью исходных понятий, образов, эмоций, которые являются «строительным материалом» при восприятии текста различными читателями, так и самой организацией текста. Стабильность, определенность, границ вариативности обусловлена как постоянством формы текста, так и относительным совпадением жизненного опыта воспринимающих, прежде всего — их социального опыта. Необходимо иметь в виду, что и восприятие т.н. читателя-профессионала (литературоведа, критика, лингвиста) является лишь одним из возможных вариантов восприятия и совсем не обязательно полностью совпадает с замыслом автора [5, с. 4].

В процессе понимания текста, текст в сознании реципиента соотносится с действительностью, т.е. устанавливаем связи между вербальными образами (отражением формы слова в сознании человека) и «предметными» (образами явлений и ситуаций внетекстовой действительности). Но связи между вербальными образами и связи между «предметными» могут не совпадать. И чем больше они расходятся, тем труднее понять текст. Степень расхождения этих связей и рассматривается как глубина текста. Например, в предложении «Я резал эти пальцы за то, что они // Не могут прикоснуться к тебе» связи между вербальными образами устанавливаются на основе регулярной лексико-грамматической модели, слова расположены в линейной последовательности. Но соответствующие «предметные» не могут быть напрямую связаны между собой, т.к. такая связь противоречит жизненному опыту и картине мира (из-за невоз-

можности прикосновения пальцы не режут). Вербальные образы синтагмы генерируют «предметные» образы Боли, Страдания, Наказания, которые образуют парадигму «Отчаяние».

В том случае, если система вербальных образов совмещается с системой «предметных» образов (т.е. оперирование «предметными» образами осуществляется так же, как и вербальными), восприятие текста является более легким процессом по сравнению с восприятием текстов, в которых такое наложение происходит за счет установления дополнительных связей и появления дополнительных ассоциативных образов.

Степень глубины текста соотносится с вариативностью восприятия текста. С увеличением сложности правил перехода от текста к действительности (т.е. повышением глубины текста) степень вариативности содержания текста также будет возрастать.

Основываясь на таком дифференциальном признаке, как глубина, тексты можно разместить на шкале глубины текста, крайними точками которой будут «банальные» тексты (тексты с меньшей глубиной, незначительной степенью вариативности восприятия текста) и «глубокие» тексты (тексты со значительной степенью вариативности восприятия содержания).

Материалом для данного исследования были выбраны произведения Ильи Кормильцева «Я хочу быть с тобой» и «Титаник». Выбор обусловлен значимостью творчества этого поэта для русской культуры конца XX — начала XXI веков, их нетипичностью и малоизученностью как с точки зрения традиционной лингвистики, так и с позиции функциональной. Произведение «Я хочу быть с тобой» интуитивно можно отнести к категории «банальных» текстов, а «Титаник» — «глубоких». В условиях данного противопоставления легче выделить характерные особенности «банальных» и «глубоких» текстов и текстовой категории глубины в целом.

При восприятии текста реципиент переходит от текстовой синтагматики (воспринимаемые вербальные образы располагаются в линейной последовательности) к мыслительной парадигматике («предметные» образы группируются в сознании в зависимости от выполняемых функций и черт сходства). Т.е. на текстовом уровне вербальные образы объединяются в синтагмы, а на мыслительном уровне «предметные» образы объединяются в парадигмы (набор мыслительных образов, объединяющий в систему слова, генерирующие «предметные образы»). Рассмотрим взаимосвязь синтагм и парадигм.

В произведении «Я хочу быть с тобой» функционирует антиномия «Смерть» — «Любовь». Так парадигма Надежда («с правом на надежду») противопоставляется парадигме Отчаяние («Я ре-

зал эти пальцы за то, что они // Не могут прикоснуться к тебе», «Я смотрел в эти лица // И не мог им простить // Того, что у них нет тебя // И они могут жить»). Парадигма Вера («с верою в любовь») выступает в оппозиции к парадигме Эскапизм («я пытался уйти от любви»). Парадигма Любовь («я хочу быть с тобой») противопоставляется парадигме Смерть («Твое имя давно стало другим», «Глаза навсегда // Потеряли свой цвет», «Тебя больше нет»).

Противопоставление парадигм в тексте выражается:

1. грамматически («Пьяный врач мне сказал – // Тебя больше нет, // Пожарный выдал мне справку, // Что дом твой сгорел. // Но я хочу быть с тобой, // Я хочу быть с тобой // Я так хочу быть с тобой, // Я хочу быть с тобой, // И я буду с тобой» – противопоставление парадигм Смерть – Любовь осуществляется за счет противительного союза но);

2. за счет ассоциаций антиномического типа (понятие отчаяние противоположно понятию надежды, соответственно, парадигмы, выражающие эти понятия противопоставляются).

Несмотря на то, что в тексте больше единиц, входящих в парадигмы, носящие негативную оценочную характеристику, парадигмы, с позитивной оценкой, доминируют за счет повторений, а так же за счет изменения временных отношений в тексте («Я хочу быть с тобой, и я буду с тобой» – желание настоящего времени переходят в реальность в будущем времени).

Парадигмы легко вычленимы, т.к. включены в одну структуру родо-видовых понятий (род «Любовь» – виды «Надежда» и «Вера»; род «Смерть» – виды «Отчаяние» и «Эскапизм»). Выделяемые парадигмы находятся в:

1. отношениях разных видов, принадлежащих к разным родам (парадигма Надежда противопоставляется парадигме Отчаяние);

2. родо-видовых отношениях (Любовь является гиперпарадигмой, в ее состав входят парадигмы Вера и Надежда);

3. родо-родовых отношениях (гиперпарадигма Любовь противопоставляется гиперпарадигме Смерть)

4. отношениях разных видов в рамках одного рода (Отчаяние и Эскапизм равнозначны в гиперпарадигме Смерть).

Вербальные образы имеют прямую связь с «предметными» (Любовь – чувство, «тебя больше нет» – прекращение существования), т.е. дополнительные ассоциативные «предметные» образы не возникают.

Содержание произведения «Титаник» вариативно в большей степени. В зависимости от того, какие связи установит реципиент между вычленимыми парадигмами, будет формироваться то или иное понимание текста. Рассмотрим несколько

вариантов.

В произведении «Титаник» можно вычлени следующие парадигмы: 1. Предательство («Крысы сходят на берег // В ближайшем порту // В надежде спастись», «Матросы продали винт эскимосам за бочку вина»);

2. Эскапизм («Капитан, я пришел попроситься с тобой, // с тобой... // И твоим кораблем», «Никто не хочет и думать о том, // Пока, пока “Титаник” плывет»);

3. Предрешенность («Капитан, все акулы в курсе, // Что мы скоро пойдем ко дну», «Впереди встает холодной стеной // Арктический лед»);

4. Знание («Я видел секретные карты, // Я знаю, куда мы плывем», «Капитан, все акулы в курсе, // Что мы скоро пойдем ко дну», «Но при свете молний становится ясно – // У каждого руки в крови»).

Парадигмы связаны с помощью ассоциаций и аналогий.

Вербальные образы связаны с «предметными» опосредованно: вербальный образ «Титаник» с «предметным» образом «государство» через другой «предметный» образ «корабль» и системные связи, в которых находится данный «предметный» образ.

Как следствие большей глубины текста, в произведении «Титаник», в отличие от «Я хочу быть с тобой» присутствует имплицит, что затрудняет процесс восприятия и интерпретации текста, соответственно, для восстановления скрытого смысла текста необходим учет контекста и ситуации.

Очевидно, что наличие тропов повышает глубину текста, т.к. под тропом понимается оборот речи, в котором слово или выражение употреблено в переносном значении [3, с. 386], а такой «перенос» препятствует прямому наложению парадигмы вербальных образов на парадигмы «предметных» образов. Произведение «Я хочу быть с тобой» насыщено тропами: олицетворение («Я пытался уйти от любви»), перифраз («Глаза навсегда // Потеряли свой цвет»), метафора («...я резал // Кожаные ремни, // Стянувшие слабую грудь») и другие. Но интерпретация данных тропов не является затруднительной, что свидетельствует, в свою очередь, о низкой глубине самих тропов, присутствующих в произведении. В «Титанике» интерпретация и даже вычленение тропов зависит от понимания центрального образа произведения. Так фразу «Матросы продали винт эскимосам за бочку вина» можно расценить, как метафору или как конструкцию, лишенную переносного значения. В конструкции «секретные карты» слово «секретные» может быть интерпретировано как определение карт, не вносящее переносное значение, как эпитет или часть метафоры («секретные карты» – то, что происходит в действительности).

Для проверки выдвинутых теоритических положений и представленного лингвистического анализа был проведен эксперимент среди студентов-филологов 2-ого курса, которым было предложено ответить на вопросы об их восприятии текстов и их отдельных фрагментов, понимании основных идей текстов.

Основываясь на экспериментальных данных, можно сделать вывод о том, что понимание произведения «Я хочу быть с тобой» различными реципиентами практически не отличается: «человек тоскует по погибшей возлюбленной», «человек в отчаянии от потери любви» и пр.

Идею произведения «Титаник» реципиенты определяли следующим образом:

- «неизбежность», «крушение», «невозможность спастись», «конец света», что свидетельствует о том, что реципиенты в качестве оси рассматривали парадигму Предрешенность.

- «подлость», «поиск виновных», «человеческая халатность и ненадежность», что свидетельствует о том, что испытуемые в качестве оси рассматривали парадигму Предательство.

Данные варианты являются односторонними, т.к. не учитывают все связи, которые можно установить при восприятии произведения на образно-понятийном уровне, а акцентируют внимание лишь на отдельных смысловых узлах.

При учете внетекстовых связей с творчеством автора и течением рок-поэзии возможны следующие понимания текста: «государство, идущее ко дну», «общество в кризисе», т.е. в данном случае речь идет о более широком понимании содержания текста.

Соответственно, экспериментальные данные подтвердили предположение о том, что произведение «Я хочу быть с тобой» обладает меньшей глубиной, чем произведение «Титаник», т.к. степень вариативности содержания последнего оказалась большей.

Таким образом, глубина текста является текстовой категорией, отражающей степень противопоставления языковых отношений отношени-

ям мыслительным. В зависимости от глубины текста выделяются «банальные» и «глубокие» тексты. На примере сравнения текстов Ильи Кормильцева «Я хочу быть с тобой» и «Титаник» были установлены следующие различия «банальных» и «глубоких» текстов:

1. основополагающим различием является соотношение связей между вербальными и «предметными» образами, при их совмещении текст является банальным, чем больше расходятся системы связей образов в тексте, тем большая глубина текста;

2. в «банальных» текстах парадигмы связываются в большей степени за счет языковых средств, при возрастании глубины текста связи между парадигмами осуществляются в большей степени благодаря логическим и ассоциативным связям;

3. количество, оригинальность и высокая степень образности тропов повышает глубину текста;

4. «глубоким» текстам свойственно наличие импликата.

Перспективы исследования глубины текста заключаются в применении данной текстовой категории для характеристики особенностей идиостилий, отдельных литературных школ и направлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики /М. Бахтин.– М.: Худож. лит., 1975.–504 с.

2. Правдин М.Н. Анализ содержательной структуры текста / М.Н. Правдин // Сб. научных трудов/МГПИИ им. М. Тореца. – М.,1976. – Вып. 103.– 120 с.

3. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А.Теленкова. / Изд. 2-е. — М.: Просвещение. 1976. – 543 с.

4. Степанченко И.И. Поэтический язык Сергея Есенина (анализ лексики) /И.И. Степанченко. – Харьков: ХГПИ, 1991.– 189 с.

5. Степанченко И.И. Стилистический анализ цикла «Персидские мотивы» С.А.Есенина / И.И. Степанченко. – Харьков: ХГПИ, 1988.– 59 с.

УДК:811.161.1'282.3

Г.Н. Карнаушенко

ЭЛЕМЕНТЫ «ТЕКСТА ПУТИ / ДОРОГИ» В РУССКИХ ГОВОРАХ И ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ СЛОБОЖАНЩИНЫ

Карнаушенко Г.Н.

ЕЛЕМЕНТИ «ТЕКСТУ ШЛЯХУ / ДОРОГИ» У РОСІЙСЬКИХ ГОВІРКАХ І ТРАДИЦІЙНІЙ НАРОДНІЙ КУЛЬТУРІ СЛОБОЖАНЩИНИ.

У статті розглядаються терміни «текст шляху» і «текст дороги», пропонується використовувати єдиний термін «текст шляху/дороги» для етнолінгвістичних досліджень. Проаналізована лексика дороги російських говірок Слобожанщини і вірування, пов'язані з дорогою. Показана суперечливість образу дороги, обумовлена переплетенням буденного і міфологічного типів свідомості.